

А.Н. Садовой

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЗОНАХ. ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматривается методология выявления в трансграничных зонах взаимообусловленности национальной политики и этнических процессов. На примере Кавказского и Саяно-Алтайского экорегионов обоснована рабочая гипотеза об универсальном характере технологий нейтрализации конфликтных ситуаций (военные экспедиции, депортации меньшинств, изменение этнического состава и др.) в трансграничных районах России (XIX–XX вв.), их обусловленности национальным интересом и политикой сопредельных государств.

Ключевые слова: национальная политика; трансграничные зоны; социальные технологии; этнические процессы; сепаратизм.

Национальная политика (НП) государства в историографии выступает объектом исследований фундаментального и научно-прикладного плана. Фундаментальный характер исследований определяется дефиницией НП как системы мер, направленных на реализацию «национальных интересов» (НИ) на разных этапах развития государственности. Подразумевается, что в своей основе национальная политика содержит ту или иную теорию, цель (цели, задачи), принципы, главные направления и систему мер (социальные технологии) по ее реализации. Критерием неэффективности национальной политики является распад государства. Предметная область исследования не ограничивается территориальными и хронологическими рамками. Внимание акцентируется на системе межгосударственных отношений (связей, коммуникаций). Научно-прикладной характер исследований прослеживается в определении НП как целенаправленной деятельности по регуляции этнополитических процессов, осуществляемой в границах государства и направленной на сохранение его целостности и суверенитета. Основа принятия решения – мониторинг этносоциальной обстановки, реализация которого возможна на основе исследований научно-прикладного характера по запросам органов власти или оппозиции. В англоамериканской историографии это предметная область прикладной антропологии (applied anthropology). В отечественной историографии национальная политика – объект междисциплинарных исследований.

В соответствии с «процессным подходом» НП рассматривается как социальный процесс, объективно инициирующий генезис институтов государственной власти, гражданского общества, трансформацию социальных институтов и этнической экономики и т.д. В этом контексте НП однозначно выводится за предметную область политологии и входит в предметную область политической истории (генезис органов государственной власти, история НП) и этнологии (этнические процессы, этническая история, традиционные социальные институты), социологии [1. С. 109–120]. Во всех сферах знаний субъектом НП выступают институты государственной власти, объектом – социальные институты этнических меньшинств. В силу универсальной природы этих институтов (семья, патронимия, клановая организация, социальные страты и т.д.) использованные государством социальные технологии рассматриваются в качестве универсальных.

С позиции системного подхода НП может рассматриваться как перманентный фактор воздействия на иерархически соподчиненные системы (подсистемы) социальных и межкультурных коммуникаций, определяющих жизнеобеспечение конкретных этнических групп. Это могут быть: сельские анклавы, диаспоры мегаполисов, представители «титульного этноса» и этнических меньшинств. Подразумевается, что системообразующие связи традиционных социальных институтов имеют стохастический характер [2. С. 25], а национальная политика не выступает детерминирующим фактором изменений (положение «государственной школы историографии»). Изменения, как правило, носят случайный характер. Данное обстоятельство существенно ограничивает возможности научного прогнозирования направления и динамики изменения этносоциальной обстановки в случае принятия того или иного политического решения особенно в районах с полиэтничным составом населения, сохраняющего многоукладный характер экономики. Детерминирующим фактором воздействия могут выступать глобальные процессы, определяющие изменение этнической и конфессиональной структуры населения: формирование мирового рынка, экспансия мировых религий, экологические кризисы, миграции, войны и т.д. Следствием каждого процесса является расширение и переорганизация коммуникационных связей между традиционными и формируемыми социальными институтами как внутри, так и на межгосударственном уровне. Особо следует отметить, что для органов власти качественные изменения коммуникационных связей могут нести латентный характер.

Вышеизложенное ставит под сомнение устойчивую в историографии формулировку национальной политики как проявления «целенаправленной» деятельности. Целенаправленность подразумевает прогнозирование средне- и долгосрочных социальных последствий проводимой политики. Однако, как показывает отечественный и международный опыт, цели и последствия национальной политики могут иметь диаметрально противоположную направленность. В качестве примера можно привести социальные последствия национальной политики КПСС, осуществлявшей интеграцию народов СССР на принципах «пролетарского интернационализма». Объективно этот курс провоцировал центробежные процессы, распад СССР, феномен «национальной государствен-

ности». Как следствие – проявляющийся повсеместно на постсоветском пространстве дискриминационный характер НП по отношению к «нетитульным народам». Интерес представляет то, что субъектами НП во всех вновь образованных государствах выступают структуры власти, представленные «выходцами» идеологических структур бывшего СССР (КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС, КГБ и др.).

С другой стороны, применение системного подхода не позволяет рассматривать НП исключительно в предметном поле политологов и историков, стоящих на позиции «государственной школы». С позиции классической этнографии и социальной антропологии проявившиеся тенденции сепаратизма выступают в качестве не столько политических, сколько этнических процессов – этнической консолидации, изменения этнической самоидентификации отдельных групп населения, аккультурации, последовательной трансформации систем межэтнической коммуникации, ориентированной на их распад, и т.д. Можно констатировать, что перечисленный спектр процессов, способствующих распаду российской государственности в начале и конце XX в., в отечественной историографии оказался фактически не исследованным. За пределами внимания осталась и взаимосвязь между социальными технологиями, используемыми органами власти СССР различного уровня при реализации проводимого курса НП и этническими процессами. Как показывает мировой опыт, применяемые технологии неэффективны не только в границах Российской империи, СССР и формируемых на постсоветском пространстве государств. Встают вопросы: насколько они определяли в XX столетии механизм (комплекс причинно-следственных связей) распада Австро-Венгерской, Британской, Германской, Османской империй и Югославии? Насколько сопоставимы социальные технологии НП распавшихся империй? Являлись ли они продуктом целенаправленной деятельности или проявлением реакции на неподконтрольное изменение этносоциальной обстановки?

Глобальные тенденции распада европейских государств определяют актуальность установления новых групп источников и выбор научного инструментария, направленного на выявление взаимообусловленности нескольких групп процессов: генезисом (распадом) институтов государственной власти, национальной политикой, социогенезом в среде этнических меньшинств. Связи между этими процессами однозначно не имеют линейного характера. Социальные технологии, используемые при реализации НП, теоретически могут быть обусловлены процессами изменения форм государственного устройства, политических режимов и идеологических конструкторов (противостоянием идеологий), спецификой политического и культурного развития объекта этой политики – социальных институтов этносов и этнических групп. На этом основании можно предположить, что социальные технологии НП, с одной стороны, носят универсальный характер. Во многом они идентичны в полиэтнических по составу государствах. В этой связи деление политологических конструкторов с методологической стороны на «империи зла» или страны «победивших демократий»

бессмысленно. С другой стороны, используемые технологии далеко не всегда ориентированы на поиск баланса между «этническими интересами», представленными элитами этнических меньшинств. В случае явного несовпадения интересов начинают действовать силовые структуры. А «поиск балансов» заменяется нейтрализацией угроз дестабилизации этносоциальной обстановки.

Таким образом, предлагаемые методологические подходы в исследовании национальной политики ориентированы: а) на выявление механизма этнополитических процессов; б) оценку эффективности используемых государством социальных технологий, направленных на стабилизацию этносоциальной обстановки; в) определение соответствия НП национальным интересам; г) определение алгоритма научного прогноза последствий текущей НП.

Стоит акцентировать внимание на том, что в полиэтнических государствах национальные интересы не тождественны «этническим» (ЭИ). Они, как показывают трактовки судьбы «угнетенных» и «оккупированных» наций в СССР [3–6], могут рассматриваться и как антагонистические. В то же время обе группы интересов не являются абстрактной категорией. Они представляют осознание и отражение в повседневной деятельности конкретных представителей элит (государственных, этнических, конфессиональных) *жизненных* потребностей. Основным признаком принадлежности к элите является в этом контексте не столько обладание определенным правовым статусом (на основе действующего законодательства или норм обычного права), сколько признанное социальными (общественными) институтами тождественности между интересами «элит» и потребностями общества в целом. В случае полного несовпадения интересов перед «элитами» может встать угроза их полного уничтожения. В этом контексте физическое уничтожение элит Российской империи в 1920–1930 гг. может рассматриваться и как следствие проводимой в конце XIX – начале XX в. политики, не отвечающей интересам подавляющей части населения страны. И как процесс, направленный на реализацию национальных и этнических интересов.

В историографии под НИ, как правило, подразумевается национально-государственный интерес. Допускается, что в общественном сознании населения многонациональных и этнически однородных государств существует осознанная потребность в самосохранении, устойчивом развитии населения страны, обеспечении безопасности. В социальных установках, формируемых при реализации внутренней политики, проводится тезис, что НИ проявляются в совокупности *сбалансированных интересов* личности, социальных институтов и органов государственной власти в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах жизнедеятельности.

Акцентируем внимание на двух признаках существующих трактовок НИ. Первый связан с идеей «осознанной потребности» большинства населения в безопасности и устойчивом развитии. Как показыва-

ют социальные процессы на постсоветском пространстве, этот тезис далеко не бесспорен. Реализуемые в ходе социальной стратификации на постсоветском пространстве («начальное накопление капитала») групповые интересы неоднократно инициировали военные конфликты (Таджикистан, Чечня, Украина и т.д.). Интересы как «титularyного большинства», так и «этнических меньшинств при этом, как правило, игнорировались. А уровень «осознания» текущих процессов не прослеживался даже в среде национальной интеллигенции. Более того, людские потери в ходе межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве однозначно отражают отсутствие потребности в «самосохранении» у значительной части населения.

Второй сюжет связан тезисом об ориентации государственных структур на формирование «балансов» между интересами личности, традиционных социальных институтов и органов государственной власти. Динамика процессов депопуляции, распада промышленного потенциала, и, как следствие, снижение уровня жизни населения стран Прибалтики, Украины, Молдавии, Грузии объективно отражают последствия обретения национальной «независимости». При этом баланса между ЭИ и НИ не прослеживается; интересы национальных элит не сориентированы на решение проблемы устойчивого развития и роста благосостояния населения. Групповые интересы доминируют. Представляется, что на постсоветском пространстве в оценке НИ доминируют подходы, предложенные в свое время Г. Моргантау (1904–1980). Согласно последним НИ рассматриваются вне контекста «общественных интересов» (ОИ). В соответствии с этой концепцией НИ обеспечиваются исключительно внешней политикой, общественные – внутренней. Обе группы интересов не противопоставляются и не сливаются. Базой политики выступает четко выстроенный имидж формируемого государства, посредством которого происходит восприятие национального интереса. Предложенная структура НИ состоит из трех элементов: 1) природы интереса, который должен быть защищен; 2) политического окружения, в котором действует интерес; 3) национальной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств для всех субъектов международной политики.

На наш взгляд, предложение соотношения НИ и ОИ имеет достаточно ограниченные операционные возможности. В качестве примера можно привести «проблему русских диаспор» на постсоветском пространстве. Ограничение правового статуса по этническому признаку однозначно является признаком внутренней политики, реализуемой с позиции группировок, пришедших к власти, а не в «общественных интересах». Однако весь ход выстраивания межгосударственных отношений с РФ в последнее десятилетие показывает, что курс НП по отношению к русским диаспорам объективно способствует сужению НИ: распаду промышленного потенциала, реформатированию транспортных коммуникаций и товаропотоков, обнищанию населения и депопуляционным процессам. Таким образом, система коммуникаций, определяемая внутренней политикой, органически вписы-

вается в систему межгосударственных отношений. Как следствие, НП может рассматриваться как единый процесс воздействия на социальные институты не только в пределах, но и за пределами страны. Разграничение между внутренней и внешней политикой становится условным.

Согласно этнической карте мира изопрагмы этнической территории даже крупных этнических образований, как правило, не соответствуют государственным границам. Этническая территория может как «вписываться» в территорию страны, так и быть разделенной государственными границами. Структура населения крупных полиэтнических государств может включать районы компактного проживания этносов, имеющих опыт государственного строительства, генетические линии «этнических элит» или «свои» государственные образования и традиционную социальную стратификацию, создающую основу консервации норм обычного права в качестве действующего регулятора внутриаэтнических отношений. Возникает вопрос, насколько этническая структура населения и динамично меняющиеся системы расселения оказывают воздействие, с одной стороны, на этнические процессы, а с другой – на содержание НП и технологии использования государством «национального фактора» в достижении поставленной задачи на обеспечение НИ.

В отечественной историографии прошедшего столетия этот вопрос фактически не ставился. Национальная политика рассматривалась исключительно в контексте исследования природы противодействия двух идеологических систем (социализма и империализма). Собственно этнические интересы рассматривались исключительно в контексте «классовой» стратификации. Проводился тезис о наличии в полиэтнических классовых государствах двух форм угнетения (эксплуатации) этнических меньшинств – со стороны государства и «своей» буржуазии (вариант – феодальной верхушки). Подразумевалось и отсутствие любых форм антагонистических по содержанию и межэтнических по форме противоречий между представителями «одного класса» (буржуазии или пролетариата). Концепция построения бесклассового общества (социалистического) базировалась на признании в качестве аксиомы положения, что «национальный вопрос» в стране «развитого социализма» решен окончательно и бесповоротно. Проявления форм национализма и сепаратизма, включая движения коллаборационизма в среде некоторых этносов в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) однозначно не рассматривались как индикаторы этнических процессов, инициированных социальной (национальной) политикой социалистического государства.

Активное использование технологии прикладной антропологии в сфере внешней политики, имеющей прямое отношение к этническим процессам в СССР и РФ, отчетливо прослеживается уже со второй половины XX в. В качестве наиболее яркого и далеко не единственного примера правового основания применяемых социальных технологий, направленных в инициирование этнических процессов во враждебном государстве, можно привести «Закон о порабощенных нациях» (США, 1959 г.) [7].

Содержащиеся в нем формулировки и перечень «порабощенных наций» представляют интерес по ряду аспектов. Так, по тексту Закона прослеживается, что в политической культуре США восприятие НП Российской империи, а позднее СССР и РФ не имеет принципиальных отличий. Она на всех этапах российской государственности – «имперская». В силу этого, вне зависимости от условий и времени вхождения (охватывая XVI–XX вв.) «национальных районов» (группы в, г) в состав государства, их население декларируется как «порабощенное». То есть, согласно политической традиции оценки взаимоотношений «метрополии» и «колоний», население последних: а) не имеет правового статуса, аналогичного статусу населения метрополии, и ясных перспектив политического, экономического и культурного развития; б) не интегрировано в высшие органы государственной власти «империи»; в) его уровень благосостояния ниже «титული» нации / «агрессора» / поработителя. Именно на основе трактовки НП как «имперской» руководство США вплоть до настоящего времени выстраивает обоснование необходимости поддержки любых форм сепаратизма, с позиции этнографа – любых форм проявления этнической консолидации, целью которой выступает идея обретения суверенитета. Этносоциальный аспект анализа политических процессов однозначно акцентирует внимание на крайне внимательном отношении к процессам этнической ассимиляции и аккультурации в среде этнических меньшинств, рассматриваемых в качестве критерия проведения политики этноцида – осознанного стирания этнической самоидентификации. В список «аннексированных территорий» не включались национально-территориальные образования, находящиеся в структуре РСФСР. К последним явно нельзя причислить мифические «Казакую» или «Идель-Урал». В то же время перечислялись сопредельные с РСФСР союзные республики и государства. Это позволяет сделать предположение, что в «Законо о порабощенных нациях» приводится перечень трансграничных зон, автохтонное население которых американскими политтехнологами однозначно было отнесено к «порабощенным» нациям. Противодействие «имперской политике» Российского государства трактуется в категории НИ США, реализуемых и ее союзниками (к примеру, страны НАТО) за ее пределами. В этом контексте любые формы сепаратизма в пограничных районах РФ правомерно рассматривать в качестве реализации НИ США.

Интерес представляет то, что применение термина «имперский» при оценке содержания НП СССР в разработках обществоведов из среды национальной интеллигенции находится в полном соответствии с «Законом о порабощенных нациях» и соответствует НИ США; в оценке НП Российской империи – с концепцией о России как «тюрьме народов», принятой в партийно-советской историографии. В этом контексте тезис о прогрессивном характере национально-освободительного движения в «царской России», также активно проводимый в историографии советского периода, оказался востребован не только идеологами сепаратистских движений. Социальные уста-

новки англоамериканской историографии при формировании «образа России» как «агрессора» не могли не оказать воздействия на историографию постсоветского пространства в тех государствах, которые рассматривают США и ЕС как гарант национальной безопасности и «демократического» развития. Здесь вполне объяснимо моделирование социальных технологий НП СССР («голодомор», «геноцид», «оккупация и т.д.». На наш взгляд, это не отражает достижений региональной историографии и никакого отношения к науке не имеет. В то же время предлагаемые трактовки НП СССР можно рассматривать в контексте исследования этнополитических процессов, направленных на консолидацию национальных элит на основе мифотворчества [8, 9].

Реализация НИ США в качестве фактора прямого воздействия на генезис институтов власти государств и реабилитация идей нацизма на постсоветском пространстве подчеркивают перспективность анализа межгосударственных отношений, включая отношения с РФ, в контексте формирования условий для сохранения очагов перманентных межэтнических конфликтов. Объективно это способствует формированию условий для этнической консолидации диаспор, и не только русской.

Выявление механизма (причинно-следственных связей) и форм взаимодействия НП и этнических процессов осуществимо в хронологических рамках, заданных национальными элитами при обосновании перманентного характера агрессии Российского государства (территориальная экспансия, «порабощение»). С учетом многовековой истории его формирования, условий вхождения в его состав этнических групп, динамично меняющегося курса внешней и внутренней политики исследования причинно-следственных связей (механизма) как макропроцесса возможно на основе выборочного метода. Выборочный метод подразумевает, что выводы по результатам исследования НП во внутренних районах Российского государства не могут быть экстраполированы на трансграничные районы, население которых находилось под воздействием институтов власти сопредельных государств и проводимой этими государствами внешней и внутренней политики. Необходимо учитывать существенные отличия в принципах и социальных технологиях НП, реализуемых Российским государством в трансграничных районах со странами Европы и Азии. Связано это с существенными отличиями в направлениях, темпах и содержании процессов социальной модернизации. В этой связи проявления внутренней политики в трансграничных зонах могли иметь существенные отличия от характера социально-го реформирования во внутренних районах.

Исследование приобретает актуальность и прикладной характер в том случае, если выявленный механизм межэтнической конфронтации (на основе разнотемповых источников) экстраполируется на современную этносоциальную обстановку. Таким образом, в исследовании истории НП по отношению к населению трансграничных зон последовательно выдерживаются принципы мониторинга современной этносоциальной обстановки [2] и научного прогнозирования

ее потенциального изменения при отсутствии корректирующих действий со стороны органов власти.

На наш взгляд, в выделении трансграничных зон (ТГЗ) эффективны и алгоритмы сравнительного типологического анализа, в основе которого лежит упорядочение совокупности социальных / этнических процессов на качественно однородные классы (типы), включая проводимый курс НП, с учетом присущих им общих значимых признаков. Территориальный подход рассматривается нами как основание типологии, позволяющее отразить качественную природу (механизм) этнических процессов, определенных НП Российского государства и внешних факторов воздействия, и собственно ТГЗ, выступающих многокомпонентной системой территориальных социальных связей. И как природно-территориальный комплекс, ресурсы которого, как правило, выступают одним из факторов возникновения межгосударственных конфликтов.

Отметим некоторую условность границ, выделяемых на основе выборочного метода ТГЗ. Во многом это определяется тем, что типология как аналитическая процедура тесно связана с абстрагированием и некоторым упрощением действительности. Из используемых в историографии вариантов применения историко-типологического метода для нас представляют интерес те, которые основаны на дедуктивном методе, т.е. теоретическом осмыслении рассматриваемого явления (теоретическая типология). Использование дедуктивного подхода определяет акцентирование внимания на выделении социальных процессов в заданных хронологических и территориальных рамках, а не экстраполяция на выделенный полигон исследования (ТГЗ) концепций, сформулированных на основе изучения процессов, не имеющих к заданному полигону никакого отношения.

На примере двух горных экосистем, входящих в границы Российской империи / СССР / РФ, – Саяно-Алтайской и Кавказской – обратимся к общим значимым признакам ТГЗ. Выбор полигонов (т.е. территориальных объектов исследования) определен сложным этническим составом, существенными отличиями в истории вхождения автохтонного населения в состав Российского государства: мирным путем (Горный Алтай, Тува) и в результате длительного вооруженного конфликта (Западный Кавказ), а также характерной для горных экосистем уязвимостью традиционных систем природопользования и жизнеобеспечения, позволяющей проводить моделирование трансформации традиционных социальных институтов под воздействием НП (в динамике).

Неопределенный (спорный) характер государственных границ проявляется в конфликте НИ сопредельных государств. «Глубина» контакта определяет «спорный» правовой статус этнических территорий для всех групп населения, проживающих в зоне межгосударственного противостояния. Так, в соответствии с имперскими традициями, сложившимися в азиатской части Евразийского континента, государственные границы формировались по границам этнической территории народов, контролируемых национальными элитами. Принятие статуса подданного определя-

лось добровольным возложением обязательств по выплате налога (подати, ясака и т.д.), охраны государственной границы, ряда повинностей (содержание дорог, охрана границ и т.д.). Как следствие, с позиции национальных элит государственная граница, проведенная по этнической территории, во многом имела условный характер, с позиции государства национальные интересы (безопасность границ) соотносились с этническими интересами подданных (согласовывать). Обременительный характер повинностей, провоцирующий смену суверена, объективно мог быть поводом для изменения границ. Таким образом, баланс национальных и этнических интересов мог способствовать сужению или расширению этнической территории населения ТГЗ, а в условиях перманентных межэтнических конфликтов за ресурсы «этнической территории» маркировка государственных границ часто принимала условный характер. В качестве примера можно привести Кяхтинский договор (1728 г.), по которому при фиксации границ между Россией и территориями, заселенными монголами, подчеркивался промежуточный (неокончательный) характер разграничения между Россией и Цинским Китаем; определялись вопросы торговых отношений и русской духовной миссии в Пекине. После включения Горного Алтая в состав Российской империи (1756 г.) ее границы с Цинским Китаем вплоть до заключения договора 1864 г. оставались неопределенными. Это проявилось в феномене «двоеданчества» теленгитов, проживавших в бассейне рек Чулышман и Башкаус. Открытый характер границ России в Горном Алтае с районами Внутренней Монголии сохранялся вплоть до середины 1920-х гг. Только по завершению Гражданской войны сформировалась сеть пограничных застав, прервавшая систему традиционных коммуникаций между этническими группами экорегиона. Характер ТГЗ долгое время сохранялся и в сопредельных регионах (Саяны), находящихся под контролем Китая. Так, пять уделов Урянхайского края перешли под протекторат России только в 1914 г. после ряда обращений тувинских правителей к российскому императору с просьбой о подданстве. В 1921 г. Республика Тану-Тува (с 1926 г. – Тувинская Народная Республика) подтвердила свое желание находиться под протекторатом, делегировав РСФСР право представлять интересы республики в сфере международных отношений. Вхождение Тувы в состав СССР по ходатайству Малого Хурала ТНР произошло только 14.10.1944 г., когда по предложению Президиума Верховный Совет РСФСР принял ТНР в состав РСФСР на правах автономной области.

В этой же плоскости неопределенности государственных границ можно рассматривать ситуацию, сложившуюся после Андрианопольского мирного договора 1829 г. на Западном Кавказе. Согласно договору к России от Османской империи переходило все восточное побережье Чёрного моря от устья р. Кубань до пристани святого Николая с крепостями Анапа, Суджук-кале, Поты, городами Ахалцихе и Ахалкалаки. Признавался переход к Российской империи Картли-Кахетинского царства, Имеретии, Мингрелии, Гурии, Эриванского и Нахичеванского ханств (передан-

ных Ираном по Туркманчайскому миру). Проблема заключалась в том, что определенные договором границы не признавались той частью национальных элит, которые не высказывали желания стать российскими подданными [10, 11]. Этническая территория ряда субэтносов адыгов реально вошла в состав России только в ходе Русско-Кавказской войны (1817–1864 гг.), определив направление и динамику этнических процессов на территории не только Западного, но и Северного Кавказа в течение последующего столетия. Территория военных действий однозначно имела трансграничный характер. Формально с позиции нормативных актов международного права она считалась российской. Фактически – трансграничной зоной этнических интересов автохтонного населения, «признаваемых» странами, оказывающими «национально-освободительному движению» поддержку – Османской и Британской империями, республиканской Францией. Интерес представляет и тот факт, что население Закавказья, включенное в подданство русского императора в начале XIX в., на основе концепции международной политики США с середины XX в. стало рассматриваться в качестве «порабощенных» наций. Этот тезис вплоть до настоящего времени принимается частью национальных элит [12] (музеи оккупации в Грузии, риторика политических деятелей и т.д.).

Отдельно стоит акцентировать внимание и на принципиальном отличии характера присоединения ТГЗ Алтае-Саянского экорегиона и Западного Кавказа, что не могло не отразиться на социальных технологиях интеграции автохтонного населения в структуру российской государственности.

Для большинства ТГЗ характерен полиэтничный состав населения, государственные границы, как уже отмечалось, крайне редко совпадают как с изопрагмами этнических территорий. Государственные границы, объективно пересекают территории традиционного природопользования этнических образований (этнических групп, племенных и клановых образований). В отдельных случаях это может стать серьезной преградой для функционирования традиционных внутри- и межэтнических коммуникаций: конфессиональных, производственных (сырьевых), торговых, культурных и т.д. В истории есть прецеденты, когда этнический состав ТГЗ менялся в результате миграций, контролируемых и неконтролируемых сопредельными государствами. Это формирует сложные для восприятия комбинации территориальных интересов, которые могут динамично меняться как в мирные годы, так и в ходе вооруженных конфликтов. Конфликты могут иметь внутренний и межгосударственный характер. Если обратиться к ситуации, сложившейся в границах Алтае-Саянского экорегиона в XVII – начале XX в., то при относительной устойчивости границ этнической территории алтай-кижи, теленгитов, кумандинцев, челканцев (Центральный и Северо-Восточный Алтай) прослеживаются миграции: а) телеутов к северу (формирование «бачатской группы» в совр. Кемеровской области), б) казахов (Юго-Восточный Алтай); в) русских старообрядцев (Центральный Алтай, Уймонская котловина); г) формирование сети миссионерских поселков из русских

переселенцев (Северо-Восточный, Центральный Алтай); д) несколько неконтролируемых правительством волн русских переселенцев в предгорные районы Алтая и Кузнецкого Алатау. Миграционные процессы объективно приводили к переорганизации территориальных связей, определяющих изопрагмы территорий традиционного природопользования автохтонного населения. В границах трансграничной зоны они однозначно имели четко выраженный имманентный характер и не определялись межгосударственными конфликтами и обусловленными ими вынужденными переселениями. Большая часть подвижек населения протекала в зоне экстенсивных форм природопользования, базировавшихся на отгонных формах скотоводства (Юго-Восточный, Центральный Алтай) или промысловом комплексе (Северо-Восточный Алтай). В конце XX – начале XXI в. сужение традиционных территорий природопользования во многом определялось стратегией рекреационного развития региона.

Принципиально иная ситуация сложилась на Западном Кавказе, где миграционные процессы во многом определились ходом военных действий, вынужденным уходом автохтонного населения с территорий традиционного природопользования за пределы Российского государства. Итогом войны стали полная утрата автохтонным населением Западного Кавказа своей этнической территории в результате мухаджирства – переселения на территорию Османской империи, распад традиционных социальных институтов, системы расселения, природопользования и землепользования [13], формирование полиэтничного состава населения экорегиона за счет мигрантов [14–16], высокие темпы урбанизации.

Устойчивость традиционных социальных институтов этнических меньшинств проявляется в толерантном отношении государства к традиционным институтам власти и судопроизводства этнических и конфессиональных меньшинств. Выступает одним из принципов имперской направленности НП, проявляющимся и в настоящее время. В качестве примера можно привести отношение к бывшим противникам: тейпам имама Шамиля в XIX в. и А. Кадырова в начале XXI в. Их представители после отказа от военного сопротивления органически вошли в состав элиты Российского государства. Следует отметить, что этот признак отчасти характерен не только для ТГЗ, но и для внутренних полиэтничных районов. В отдельных случаях нормы обычного права этнических меньшинств кодифицировались, что позволяло придать этнической территории (территории традиционного природопользования) правовой статус и в какой-то мере «закрыть» ее от мигрантов. В качестве примера можно привести «Устав об управлении инородцев» (1822 г.) М.М. Сперанского. В нем почти на столетие (до 1899 г.) за автохтонным населением Алтае-Саянского экорегиона были закреплены этническая территория, традиционные социальные институты и системы природопользования (жизнеобеспечения) [17, 18]. Или национальную политику США, направленную на признание суверенитета и традиционного уклада жизни населения корпораций (территориальных общин) автохтонного населения штата Аляски

[19, 20]. Принятый в 1971 г «Alaska Natives Land Claims Settlement Act» имеет прямые аналоги с традиционной имперской политикой России по отношению к этническим меньшинствам Севера, Сибири и Дальнего Востока [21]. А также имеет перспективу апробации на особо охранных природных территориях, сопредельных с традиционными территориями природопользования коренных малочисленных народов РФ [22, 23].

Спецификой трансграничных зон являются более широкие функции национальных элит, определяющих сохранение и функционирование традиционных социальных институтов на основе норм обычного права. Вне зависимости от того, кодифицированы эти нормы или нет, национальные элиты в какой-то мере (допущенной сувереном) выполняют функцию посредников не только на внутригосударственном, но и на межгосударственном уровне, представляя интересы «своей» этнической или конфессиональной группы. Основанием для признания национальной элиты в качестве субъекта договорных отношений является «свобода выбора», т.е. возможность активного участия в смене «суверена» (как следствия военного конфликта) или миграции на территорию государства, которое (по мнению элиты) обеспечивает большие преференции для данной группы при сохранении традиционных институтов. В границах Алтае-Саянского экорегиона примером такого выбора стало формирование в 1860-е гг. диаспоры казахов (Кон-Агачская этнографическая группа), включившая в свой состав мигрировавшее с территории Внутренней Монголии и Китая население [24, 25]. Обратная миграция (в Китай), охватившая не только представителей автохтонного населения, но и русских переселенцев, была характерна для постреволюционного периода. Распад СССР подстегнул эмиграционные процессы. Массовый выезд казахов за пределы Алтая начался с 1990 г. По заключению правительственной комиссии (работала в 1992 г.) он был обусловлен стремлением к воссоединению нации, усилившимся с провозглашением независимого государства Казахстан. Так, если по данным на 1989 г. казахи Кош-Агачского района Горно-Алтайской автономной области составляли 16,4 тыс. человек (54,5%), то уже в 1991 г. в районе их осталось 8,2 тыс. человек, в 1993 г. – 6,4 тыс. человек. Однако процесс исхода с территорий традиционного природопользования, сформировавшихся во второй половине XIX в., оказался неустойчивым. К концу 1990-х гг. наметился процесс реэмиграции: к 1995 г. число казахов увеличилось до 8 тыс. человек (59,7%). К началу XXI в. эта тенденция стала устойчивой. Последние материалы этнографов по указанной этнической группе свидетельствуют, что миграционные процессы не оказали существенного воздействия на этническую самоидентификацию и традиционные социальные институты [26, 27].

На Западном Кавказе социальной причиной мухаджирства, исхода автохтонного населения Западного Кавказа (шапсугов, убыхов, абадзехов, бжедугов) в Османскую империю после Русско-Кавказской войны стала приверженность традиционным формам социальной организации. Мы разделяем позицию извест-

ного кавказоведа В.В. Дегоева, что инициаторами переселения была национальная элита, у которой отсутствовали ясные социально-экономические перспективы сохранения традиционных систем социальной организации «при русской власти». Предложенные к переселению районы р. Кубань не относились к территориям традиционного природопользования, их надо было осваивать с нулевого цикла. После буржуазных реформ 1860–1870-х гг. все «зависимые сословия» получали личную свободу, территориальные общины – земельные наделы и унифицированные с остальным населением системы волостного самоуправления и судопроизводства. Обязательств участия общин в организации хозяйственного комплекса у своей элиты не было. На мирских сходах общинники принимали решения не платить оброка князьям, поскольку с окончанием войны отпадала нужда в них как в военной защите. Менталитет черкесских князей и тфокотлей не допускал переориентации на ведение индивидуального хозяйства или специализации в торговле. Эти факты были в те годы подмечены военным командованием России. Об этом приведено множество свидетельств Р. Фадеевым, Д. Милутиным и другими исследователями. Сохранить традиционную социальную стратификацию этнических групп, выселяемых с побережья Черного моря, было возможно только за пределами Российской империи – в Турции.

В современной отечественной историографии сюжеты, посвященные характеру взаимосвязи между национальной и конфессиональной политикой Российского государства на разных этапах его исторического развития вплоть до настоящего времени остаются малоисследованными. Это создает определенные проблемы при изучении этнических процессов в районах контакта мировых религий. В границах Алтае-Саянской ТГЗ эта система контактов охватывала взаимодействие христианства (РПЦ, старообрядцы), мусульманства (казахи Юго-Восточного Алтая) и буддизма / ламаизма (течение бурханизма). На Западном Кавказе зоны перманентного конфликта проходили между мусульманством, господствующим в Османской империи, и экспансией нескольких течений христианства, осуществляемой при поддержке Российской империи.

Система межконфессионального взаимодействия формирует устойчивую систему коммуникаций между иерархически соподчиненными социальными институтами, формирующими такой социальный институт, как церковь. Функции этих институтов детерминируют достаточно сложную систему отношений и с институтами государственной власти, претендующими на включение ТГЗ в свою структуру. Конфликтная ситуация может сформироваться в следующих сферах: а) в трактовке этнической истории (объяснения прошлого, настоящего и будущего); б) регламентации повседневного поведения с учетом социальной стратификации; в) регулировании морального поведения личности (противоречие конфессиональных и государственных норм); г) оценке (одобрение / критика) предложенных государством форм социального устройства; д) формах этнической консолидации в

кризисные периоды. Таким образом, конфессиональный фактор имеет перманентный характер воздействия на систему коммуникационных связей в сфере воспроизводства традиционных социальных институтов (семья, клановая, племенная организация и т.д.), экономики (системы жизнеобеспечения этнических и иных социальных групп), политики (включение в сферу межгосударственных связей). Фактически конфессиональные отношения органически вписываются («накладываются») в широкий спектр социальных коммуникаций в границах как ТГЗ, так и межгосударственных отношений. Иерархическая соподчиненность этого социального института прослеживается в структуре церкви (стратификация профессионального духовенства), выступающей для государства в качестве юридического лица, владеющего собственностью, составляющей экономическую основу и как социальный регулятор четко разработанную догматику и детализированный культ. На уровне любой конфессиональной организации выделяют управляющую и управляемую подсистемы. Первая система включает социальные группы, ориентированные на сохранение (консервацию) мировоззренческих установок, координацию религиозной деятельности и отношений, организацию контроля за соблюдением конфессиональных норм, включая разработку и применение санкций. Ядро этой системы может находиться как в границах ТГЗ, так и за ее пределами. В границах Алтае-Саянского экорегиона управленческое звено РПЦ было представлено с 1828 г. руководством Алтайской Духовной миссии (г. Бийск в 1828 г., Улала в 1830–1917 гг.) и опиралось на сеть динамично разворачиваемых миссионерских станций и селений [28, 29]. Центры контроля экспансии ламаизма (бурханизма) и мусульманства находились за пределами Российской империи [30–33].

Для Западного Кавказа характерно, что вплоть до выселения автохтонного населения и смены его переселенцами институты конфессионального управления находились за пределами ТГЗ. У мусульман – в Стамбуле. Эволюция христианских религиозных организаций с конца XIX в. на территории Черноморского побережья Кавказа протекала в несколько этапов. На этапе вхождения этого района в ТГЗ (вторая половина XIX – 1917 г.) государством обеспечивалось доминирование Русской православной церкви при поддержке других христианских конфессий [34].

Вторая управляемая подсистема включает социальные институты верующих (формы социальной организации), воспринимающих конфессиональные нормы в качестве социального регулятора повседневной жизни. Подразумевается существование между этими подсистемами системы нормативно оформленных, иерархически выдержанных отношений, позволяющих осуществлять управление религиозной деятельностью. Регулирование этих отношений реализовывалось на основе организационно-институциональных норм, содержащихся в нормативных источниках, регулирующих структуру и функции конфессиональных организаций. Характер отношений между верующими, священнослужителями различных рангов, руководящими органами организаций и их

структурными подразделениями, регламентируют их деятельность, права и обязанности. Необходимо учитывать, что с учетом крайне консервативного характера норм обычного права в сфере семейных отношений и традиционной экономики, конфессиональные нормы, затрагивающие повседневную жизнь населения ТГЗ на всех этапах исторического развития, имели сложную для восприятия конфигурацию, динамично меняющуюся как во времени, так и в пространстве. Кодификация этих норм, делегирование церкви части функций государства (в области семейного права) выступали проявлением не только конфессиональной, но и национальной политики.

По представленной характеристике типобразующих признаков ТГЗ прослеживается ряд методологических проблем, связанных с моделированием в ее границах сложно подчиненной и динамично меняющейся системы межэтнических и межконфессиональных коммуникаций. Предполагается, что на этапе правовой неопределенности ТГЗ используемые социальные технологии ориентированы на системное решение двух проблем, возникающих в процессе межгосударственного противостояния: 1) формирования режимов контроля этносоциальной и конфессиональной обстановки и 2) управления социальными процессами в национально-государственных (общенациональных) интересах.

Специфическим признаком ТГЗ является то, что в их границах, в отличие от внутренних районов государства, противоречия между этими интересами и этническими интересами населения ТГЗ являются скорее нормой, чем исключением. В связи с этим курс НП в границах ТГЗ проявляется не столько в поиске «баланса интересов», сколько в выборе неоднократно апробированных социальных технологий, направленных на сокращение рисков потери подконтрольной территории и населения. Объективно национальная политика в ТГЗ направлена на последовательное формирование пограничного режима, который, в соответствии с современным определением, служит исключительно интересам создания необходимых условий для охраны государственных границы. Как следствие, регламентирует все формы активности населения на подконтрольной территории: передвижение, природопользование, жизнеобеспечение, проведение массовых мероприятий (конфессиональных, общественно-политических, культурных и т.д.). В то же время формирование системы мониторинга за этносоциальной обстановкой в ТГЗ и ее жесткой регламентации в сферах, сталкивающихся с интересами государства, объективно не может входить в противоречие с внутренним содержанием НП, проводимой по отношению к народам, этнические территории которых выходят за границы пограничной зоны. В этой связи применяемые социальные технологии в границах ТГЗ однозначно имеют универсальный характер. На их основе достаточно проблематично выделить специфику НП, ориентированной на первоочередное обеспечение общегосударственных интересов.

Вышеизложенное обуславливает постановку в качестве задачи более широкое использование компаративного анализа при выявлении и оценке социальных

технологий, содержания, средне- и долгосрочных последствий НП стран, чьи национальные интересы пересекались с интересами населения ТГЗ. Расширение спектра методик объективно определяет последовательный отказ от аксиологического (оценочного) подхода, имеющего, как правило, однозначный характер. В качестве примера можно привести оценку социальных последствий мухаджирства, трактуемого как проявление политики геноцида по отношению к автохтонному населению Западного, отчасти Северного Кавказа военной администрацией Российской империи. Противоречивость этого положения проявляется в том, что, с одной стороны, мухаджирство – это проявление НП не только Российской империи, но и Порты, принявшей на свою территорию мигрантов. В историографии неоднократно отмечались массовая гибель мигрантов от болезней и голода и как следствие – распад семей, потеря этнической самоидентификации на территории Турции в течение двух-трех поколений [12], и сохранение этнической самоидентификации у отдельных этнических групп (шапсугов), оставшихся на территории Российской империи. Собственно мухаджирство, как и любая иная форма вынужденной миграции, представляло комплекс взаимообуславливающих друг друга процессов, объединяющих обширный перечень социальных технологий – принятие и согласование решений о депортации, организация и ход депортации, организация приема мигрантов, процедуры их интеграции и т.д. При этом на каждом этапе этого процесса акторы (национальная элита, административные круги государств, включенные в процесс) и сфера их ответственности за социальные последствия динамично менялись. В историографии уже отмечалось, что помимо Российской и Османской империи ответственность за депопуляционные процессы в среде мигрантов несли Британская империя и Франция, блокировавшие выполнение Россией Андрианопольского мирного договора.

С другой стороны, целенаправленные миграции, направленные на формирование выгодной для государства этнической и конфессиональной структуры населения, выступают универсальной технологией формирования населения не только ТГЗ, но и колоний. Исторические прецеденты принудительного переселения на Евразийском континенте известны с Раннего средневековья. Они активно практиковались в Монгольской империи, когда нелояльные чингизидам племена дробились и выселялись с этнической территории. В XVIII – начале XIX в. эти технологии активно использовала Османская империя по отношению к армянам-христианам. Европейские страны активно использовали миграционную политику в качестве технологии перемещения «трудовых ресурсов» колоний в осваиваемые под монокультуры районы. Современная этническая карта мира во многом является результатом миграционных потоков, инициированных в колониальный период. Во второй половине XX в. эти технологии использовались как в ТГЗ СССР, так и в странах Европы. Например, выселение в 1940-е гг. ряда

этносов Крыма с российской части побережья Черного моря (немцев, греков, армян, болгар, крымских татар, венгров, румын, итальянцев и др.) и 12–14 млн немцев с территории Польши, Чехии, Венгрии по своим социальным последствиям были явлениями одного порядка [35, 36]. Несмотря на то, что действовавшая на тот момент Гаагская конвенция 1907 г. прямо запрещала отчуждение собственности гражданского населения (ст. 46), а также принцип коллективной ответственности (ст. 50), почти полтора десятка миллионов немцев, преимущественно женщин, стариков и детей, в течение трех лет были изгнаны из родных мест, а их собственность – разграблена. Если обратиться к истории США как эталона «демократического государства», то его НП по отношению к автохтонному населению вплоть до середины XX в. не имела принципиальных отличий от «имперских технологий»: принудительное переселение с территорий традиционного природопользования, ликвидация традиционных социальных институтов, ограничение социальных лифтов и т.д.

Принимая во внимание вышеизложенное, применение термина «геноцид» должно четко соответствовать принципу историзма: за прошедшие два столетия депортации населения из ТГЗ были универсальной социальной технологией. Прослеживаются и определенные хронологические ограничения в его использовании. В качестве примера можно привести отказ правительства Великобритании в оценке «голодомора» 1932–1933 гг. на территории Украины как геноцида. Специальные парламентские слушания (Лондон, 07.11.2017 г.), инициированные депутатом от правящей Консервативной партии Полина Латама, приняли разъяснение Министрства иностранных дел, согласно которому термин «геноцид» был признан официально приемлемым только по отношению к Холокосту, преступлениям в Сребренице и Руанде. Основанием стала Конвенция ООН, определившая геноцид как концепцию международного права, не имеющего обратной силы (ретроспективного применения). Исключительный статус Холокосту, который случился до 1948 г., был придан как основание для юридического определения этой концепции [37].

Предложенные методологические подходы анализа взаимосвязи (взаимообусловленности) между НП и этническими процессами, с одной стороны, придают динамику исследованию этнической истории народов, этническая территория которых перманентно пресекалась государственными границами, с другой – формируют основы для научного прогнозирования: исследования создают условия для формирования банка данных вариантов (моделей) реакции этнических меньшинств на широкий спектр воздействия на традиционные социальные институты и системы жизнеобеспечения. Трансграничные зоны выступают в качестве наиболее перспективных исследовательских полигонов как для апробации методик, так и для очерчивания перечня социальных технологий НП, имеющих минимальные издержки для традиционных институтов народов РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садовой А.Н. Исследования в области социальной антропологии и социологии. Опыт и проблема взаимодействия // Антропологический форум. № 16. Антропология и социология. СПб. : Кунсткамера, 2012. С. 109–120.
2. Садовой А.Н., Пруель Н.А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. 196 с.
3. Алехина Ю. Как наша Россия выглядит в учебниках истории стран бывшего СССР // Комсомольская правда. Краснодар. 13.12.2017. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851> (дата обращения: 5.02.2018).
4. Материалы совместного заседания Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики, Комиссии по вопросам образования и исторического просвещения, Комиссии по миграционным вопросам и социально-культурной адаптации иностранных граждан Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. г. Москва, Медиа-центр. Текущий архив лаборатории этносоциальных проблем. СНИЦ РАН.
5. Россия – «коварный враг» и «оккупант», а мы – самые древние: чему учат детей в школах стран СНГ // Информационное агентство REGNUM. 31.12.2012. URL: <http://regnum.ru/news/1610250.html> (дата обращения: 5.02.2018).
6. Северьянов М., Лебединский В. Докопаться до правды, или Кто и зачем переписывает историю // Красноярская газета. Красноярск. 28.12.2012. URL: <https://subscribe.ru/group/svobodnyij-mikrofon/3524022/>
7. PUBLIC LAW 86–90. Закон о порабощенных нациях. 1959. США. URL: <http://voprosik.net/zakon-o-poraboshhyonnyx-naciyax-pl-86-90-ot-17-07-1959-g/>
8. Белозёрова М.В. Некоторые события Русско-Кавказской войны 1817–1864 гг. в сети интернет: мифы и реальность // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Ростов н/Д : ФГБОУ ВПО РГУПС, 2014. С. 90–102.
9. Белозёрова М.В. Критерии научной объективности в освещении исторических событий в современных масс-медиа // Медийные стратегии современного мира. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2014. С. 111–114.
10. Садовой А.Н. Социальная стратификация черкесов Причерноморья в конце XIX – начале XX в. Сословный и классовый аспекты анализа // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. Научно-технический журнал. 2016. № 1 (34). С. 120–129.
11. Садовой А.Н. Институт рабства в XIX в.: форма русско-черкесского противостояния // Славянский мир. Диалог культур : сб. науч. статей. Кемерово; Омск : КемГУКИ, 2011. С. 164–174.
12. Белозёрова М.В. К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности: XIX – начало XXI века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2015. № 32. С. 26–33.
13. Садовой А.Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX в.) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (32).
14. Белозёрова М.В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo communicans II: человек в пространстве коммуникации. Szczecin, Poland, 2012. С. 46–52.
15. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX века. Майкоп : Полиграф-Юг, 2009. 124 с.
16. Щеголькова Е.Ю. Межэтнические взаимодействия населения Большого Сочи // Вестник Института социологии. 2011. Вып. 2. С. 173–186.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (ПСЗРИ-1). Устав об управлении инородцев 1822 г. Т. 38 (1822–1823), № 129126. С. 394–417.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. (ПСЗРИ-3). Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях (23.05.1896). Т. 16.
19. Alaska Native Claims Land Settlement Act. Public law 92-203 92nd Congress, H.R. 10367. December 18, 1971.
20. Alaska National Interest Lands Conservation Act (ANILCA) Public law 96-487. December 2, 1980.
21. Садовой А.Н. Традиционная система жизнеобеспечения гвйтчин бассейна р. Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск : Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 78–99.
22. Садовой А.Н. К стратегии развития инфраструктуры таежных районов Южной Сибири (компаративный анализ и проблема использования опыта США на территории Аляски) // Региональные проблемы перехода к устойчивому развитию: ресурсный потенциал и его рациональное использование в целях устойчивого развития : материалы всерос. науч.-практ. конф. Кемерово : Изд-во ИУУ СО РАН, 2003. Т. 1. С. 145–157.
23. Садовой А.Н. Этносоциальные аспекты реализации концепции развития особо охраняемых природных территорий федерального значения // Этнические, экологические и экономические аспекты развития туризма на особо охраняемых природных территориях горных экосистем. М. : СНИЦ РАН, 2012. С. 14–33.
24. Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая (Проблемы формирования этнической группы). Алма-Ата : Наука, 1986. 168 с.
25. Калыш А.Б., Рахимов Е.К. Вклад А.В. Коновалова в разработку казахской диаспоры России // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». № 1 (05). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/425> (дата обращения: 5.02.2018)
26. Ларина Е., Наумова О. Кош-Агачские казахи-мигранты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kosh-agachskie-kazahi-migranty> (дата обращения: 5.02.2018).
27. Ларина Е., Наумова О. Миграции казахов в западной части российско-казахского пограничья // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 32–47.
28. Садовой А.Н. Деятельность Алтайской духовной миссии как фактор воздействия на социально-экономическую структуру населения Горного Алтая в пореформенный период // Алтай в прошлом и настоящем. Барнаул : Архивный отдел. Алтайск. крайисполкома, 1987. С. 85–88.
29. Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX в.). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1992. 198 с.
30. Садовой А.Н. Некоторые аспекты анализа бурханства // Проблемы истории Кузбасса : материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию создания Кемеровской области. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002. С. 8–11.
31. Шерстова Л.И. Бурханство в Горном Алтае // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 22–37.
32. Шерстова Л.И. Бурханство: истоки этноса и религии. Томск : Изд-во ТГУ, 2010. 288 с.
33. Насонов А.А. Ламаизм в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (вторая половина XIX – первая треть XX в.). Кемерово : ИНТ, 2013. 198 с.
34. Ионова З.Н. Христианские конфессии на Черноморском побережье Кавказа в конце XIX–XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015.
35. Геноцид немцев цивилизованными соседями. URL: <https://mikle1.livejournal.com/6628320.html> (дата обращения: 5.02.2018).
36. Немцы: изгнаны и убиты. URL: <http://schutz-brett.org/3x/ru/nctopnr/29-russische-beitraege/nctopnr/1348-nemtsy-izgnany-i-ubity.html> (дата обращения: 5.02.2018).
37. Великобритания не признала геноцидом Голодомор в Украине // Страна ua.09:21. 26 ноября 2017. URL: <https://strana.ua/news/107551-velikobritanija-ne-priznala-henotsidom-holodomor-v-ukraine.html> (дата обращения: 5.02.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июля 2018 г.

Keywords: national policy; cross-border zone; social technologies; ethnic processes, separatism; Caucasus; Altai-Sayan ecoregion.

The determination of methodologies for the identification of the relationship between existing national policies and ethnic processes is the aim of this article. The subject area is outlined by two cross-border zones of Russia (the Caucasus, the Altai-Sayan mountain region) with a characteristic multi-ethnic and multi-confessional composition of the population. The territorial framework is determined by national policy specifics in border areas; the policy is not directly related to the state structure forms and political regimes change. The study has chronological limits: the past two centuries. This period is determined by the orientation of the ethnic processes study. These processes are seen as ethnic and religious minorities' reactions to the national and foreign policies. The author of the article relies on historiographical sources devoted to the history of the Russian national policy and the cross-border zone population's ethnic history. The principles of a systematic approach (as a methodological basis) are attached to the natives' traditional social institutions genesis study. Three plots are considered. The first is devoted to the category of trans-border zones, the principles of their allocation and manifestation forms. The second plot is related to the problem of the border regime definition in areas of intensive intra- and inter-ethnic communications. The third plot is devoted to social technologies aimed at the ethno-social situation stabilization in border areas. Several working hypotheses based on the analysis were formed. The definition of border regimes (state security) is universal. This creates broad opportunities for comparative analysis of neighboring countries' national policies, on the one hand. On the other hand, the conditions for comparing the internal policies of the central and border areas are being formed. The low population density, length of borders, border disputes determined the national policy course specifics in the border areas. The preservation of state sovereignty on the basis of a stable ethno-social situation was a priority task of both foreign and national policy at all stages of Russia's historical development. This trend significantly reduces the possibility of chauvinism of the "titular ethnos" manifestation. The preservation of natives' traditional social institutions (clan organization, family, latent forms of self-government and legal proceedings) was allowed by the state in cases of loyalty of ethnic elites to the ongoing political course. National elites' integration into the social institutions of the state was the central trend of stability of state borders. Technologies for neutralizing conflict situations (military expeditions, deportations of minorities, changes in ethnic composition, etc.) in the border areas of Russia were focused on the internal policy of neighboring states. They were universal in their functions (features).

REFERENCES

1. Sadovoy, A.N. (2012) Issledovaniya v oblasti sotsial'noy antropologii i sotsiologii. Opyt i problema vzaimodeystviya [Research in social anthropology and sociology. Experience and the problem of interaction]. *Antropologicheskii forum*. 16. pp. 109–120.
2. Sadovoy, A.N. & Pruef, N.A. (1996) *Etnosotsial'nyy monitoring: printsipy, metody, praktika* [Ethnosocial monitoring: principles, methods, practice]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
3. Alekhina, Yu. (2017) Kak nasha Rossiya vyglyadit v uchebnikakh istorii stran byvshego SSSR [How our Russia looks in the history books of the countries of the former USSR]. *Komsomol'skaya pravda*. 13 December. [Online] Available from: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851>. (Accessed: 5.02.2018).
4. Current Archive of the Laboratory of Ethnosocial Problems. *Proceedings of the joint meeting of the Commission on Information Support of the State National Policy, the Commission on Education and Historical Education, the Commission on Migration Issues and Socio-Cultural Adaptation of Foreign Citizens of the Presidential Council on Interethnic Relations*. Moscow. Media Center. (In Russian).
5. REGNUM. (2012) *Rossiya – "kovarnyy vrag" i "okkupant", a my – samye drevnie: chemu uchat detey v shkolakh stran SNG* [Russia is an "insidious enemy" and an "occupant", and we are the most ancient: what children are taught in schools in the CIS countries]. 31 December. [Online] Available from: <http://regnum.ru/news/1610250.html>. (Accessed: 5.02.2018).
6. Sever'yanov, M. & Lebedinskiy, V. (2012) Dokopat'sya do pravdy, ili Kto i zachem perepisyyaet istoriyu [To get to the bottom of the truth, or Rewriting history: Who and why?]. *Krasnoyarskaya gazeta*. Krasnoyarsk. 28 December. [Online] Available from: <https://subscribe.ru/group/svobodnyj-mikrofon/3524022/>.
7. USA. (1959) *PUBLIC LAW 86–90*. [Online] Available from: <http://voprosik.net/zakon-o-poraboshhyonnyx-nacyax-pl-86-90-ot-17-07-1959-g/>.
8. Belozerovala, M.V. (2014) Nekotorye sobytiya Russko-Kavkazskoy voyny 1817–1864 gg. v seti internet: mify i real'nost' [Some events of the Russian-Caucasian war of 1817–1864 on the Internet: myths and reality]. In: Guda, A.N. et al. (eds) *Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu: traditsii i innovatsii* [Advertising and public relations: traditions and innovations]. Rostov-on-Don: Rostov State Transport University.
9. Belozerovala, M.V. (2014) Kriterii nauchnoy ob'ektivnosti v osveshchenii istoricheskikh sobytii v sovremennykh mass-media [Criteria of scientific objectivity in the coverage of historical events in the modern mass media]. In: Luchinskiy, Yu.V. et al. (eds) *Mediynye strategii sovremenno mira* [Media strategies of the modern world]. Krasnodar: Kuban State University.
10. Sadovoy, A.N. (2016) Sotsial'naya stratifikatsiya cherkesov Prichernomor'ya v kontse XIX – nachale XX v. Soslovnnyy i klassovyy aspekty analiza [The social stratification of the Circassians of the Black Sea region in the late 19th – early 20th centuries. The estate and class aspects of the analysis]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya. Nauchno-tehnicheskii zhurnal*. 1 (34). pp. 120–129.
11. Sadovoy, A.N. (2011) Institut rabstva v XIX v.: forma russko-cherkesskogo protivostoyaniya [Institute of slavery in the 19th century: the form of the Russian-Circassian confrontation]. In: Kudrina, E.L. et al. (eds) *Slavyanskiy mir. Dialog kul'tur* [Slavic world. Dialogue of cultures]. Kemerovo; Omsk: Kemerovo State University of Culture and the Arts.
12. Belozerovala, M.V. (2015) To the problems of the Russian-Circassian interaction and formation of ethnic identity: XIX – early XXI centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts. Journal of Theoretical and Applied Research*. 32. pp. 26–33. (In Russian).
13. Sadovoy, A.N. (2015) Traditional culture and natural resources use (Black Sea coast natives in the XIX century). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 3 (32). (In Russian).
14. Belozerovala, M.V. (2012) K probleme mezhetnicheskogo vzaimodeystviya na territorii rossiyskogo Prichernomor'ya (na primere Bol'shogo Sochi) [To the problem of interethnic interaction in the Russian Black Sea region (on the example of the Greater Sochi)]. In: Yanashek, K. et al. (eds) *Homo communicans II: chelovek v prostranstve kommunikatsii* [Homo communicans II: people in the communication space]. Szczecin, Poland: Graf-form studio graficzno-wydawnicze.
15. Tveritinov, I.A. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sochinskogo okruga vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Socio-economic development of the Sochi area in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries]. Maykop: Poligraf-Yug.
16. Shchegol'kova, E.Yu. (2011) Mezhetnicheskoe vzaimodeystviya naseleniya Bol'shogo Sochi [Interethnic interactions of the population of the Greater Sochi]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2. pp. 173–186.

17. Russian Empire. (1822–1823) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38. No. 129126. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 394–417.
18. Russian Empire. (1896) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 16. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
19. *Alaska Native Claims Land Settlement Act*. Public law 92-203 92nd Congress, H.R. 10367. December 18, 1971.
20. *Alaska National Interest Lands Conservation Act (ANILCA)*. Public law 96-487. December 2, 1980.
21. Sadovoy, A.N. (2000) Traditsionnaya sistema zhizneobespecheniya gvitchin basseyna r. Chandalar i regional'naya natsional'naya politika SShA na Alyaske [The traditional life support system of the Gwich'in in the Chandalar basin and the United States Regional National Policy in Alaska]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Traditsionnye sistemy zhizneobespecheniya i regional'naya natsional'naya politika* [Traditional Life Support Systems and Regional National Policy]. Is. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
22. Sadovoy, A.N. (2003) [Towards an Infrastructure Development Strategy for the Taiga Regions of Southern Siberia (Comparative Analysis and the Problem of Using the US Experience in Alaska)]. *Regional'nye problemy perekhoda k ustoychivomu razvitiyu: resursnyy potentsial i ego ratsional'noe ispol'zovanie v tselyakh ustoychivogo razvitiya* [Regional Problems of Transition to Sustainable Development: Resource Potential and Its Rational Use for Sustainable Development]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol. 1. Kemerovo: Institute of Coal and Coal Chemistry, SB RAS. pp. 145–157. (In Russian).
23. Sadovoy, A.N. (2012) Etnotsial'nye aspekty realizatsii kontseptsii razvitiya osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy federal'nogo znacheniya [Ethno-social aspects of the implementation of the concept of development of specially protected natural areas of federal significance]. In: Sadovoy, A.N. et al. (eds) *Etnicheskie, ekologicheskie i ekonomicheskie aspekty razvitiya turizma na osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh gornyykh ekosistem* [Ethnic, environmental and economic aspects of the development of tourism in specially protected natural areas of mountain ecosystems]. Moscow: Sochi Research Center RAS.
24. Konovalov, A.V. (1986) *Kazakhi Yuzhnogo Altaya (Problemy formirovaniya etnicheskoy gruppy)* [Kazakhs of Southern Altai (Problems of the formation of an ethnic group)]. Alma-Ata: Nauka.
25. Kalysh, A.B. & Rakhimov, E.K. (n.d.) A.V. Konovalov's contribution to the study of the Kazakh diaspora in Russia. *edu.e-history.kz*. 1 (05). [Online] Available from: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/425>. (Accessed: 5.02.2018). (In Russian).
26. Larina, E. & Naumova, O. (2008) *Kosh-Agachskie kazakhi-migranty* [Kosh-Agach Kazakh migrants]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/kosh-agachskie-kazakhi-migranty>. (Accessed: 5.02.2018).
27. Larina, E. & Naumova, O. (2006) Migratsii kazakhov v zapadnoy chasti rossiysko-kazakhskogo pogranich'ya [The migration of the Kazakhs in the western part of the Russian-Kazakh borderland]. *Vestnik Evrazii*. 4. pp. 32–47.
28. Sadovoy, A.N. (1987) Deyatel'nost' Altayskoy dukhovnoy missii kak faktor vozdeystviya na sotsial'no-ekonomicheskuyu strukturu nasele-niya Gornogo Altaya v poreformenny period [The activities of the Altai spiritual mission as a factor influencing the socio-economic structure of the population of Gorny Altai in the post-reform period]. In: Kovanov, V.A. et al. (eds) *Altay v proshlom i nastoyashchem* [Altai in the past and present]. Barnaul: Arkhivnyy otdel. Altaysk. krayispolkoma.
29. Sadovoy, A.N. (1992) *Territorial'naya obshchina Gornogo Altaya i Shorii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Territorial community of Gorny Altai and Shoria (late 19th – early 20th centuries)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
30. Sadovoy, A.N. (2002) [Some aspects of the analysis of Burkhanism]. *Problemy istorii Kuzbassa* [Problems of the history of Kuzbass]. Proceedings of the Inter-Regional Conference on the 60th anniversary of Kemerovo Oblast. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 8–11. pp.
31. Sherstova, L.I. (2005) Burkhanizm v Gornom Altai [Burkhanism in Gorny Altai]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 22–37.
32. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the origins of ethnicity and religion]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Nasonov, A.A. (2013) *Lamaizm v mezkhkonnatsional'nom vzaimodeystvii na yuge Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX v.)* [Lamaism in interfaith cooperation in the south of Western Siberia (the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries)]. Kemerovo: INT.
34. Ionova, Z.N. (2015) *Khristianskie konfessii na Chernomorskom poberezh'e Kavkaza v kontse XIX–XXI vv.* [Christian denominations on the Black Sea coast of the Caucasus in the late 19th–21st centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Stavropol.
35. Mikle1. (2016) *Genotsid nemtsev tsivilizovannymi sosedyami* [The genocide of the Germans by civilized neighbors]. [Online] Available from: <https://mikle1.livejournal.com/6628320.html>. (Accessed: 5.02.2018).
36. Sumlenny, S. (2013) *Nemtsy: izgnany i ubity* [Germans: exiled and killed]. [Online] Available from: <http://schutz-brett.org/3x/ru/nctopnr/29-russische-beitraege/nctopnr/1348-nemtsy-izgnany-i-ubity.html>. (Accessed: 5.02.2018).
37. Strana.ua. (2017) *Velikobritaniya ne priznala genotsidom Golodomor v Ukraine* [Britain did not recognize the Holodomor in Ukraine as genocide]. [Online] Available from: <https://strana.ua/news/107551-velikobritaniya-ne-priznala-genotsidom-holodomor-v-ukraine.html>. (Accessed: 5.02.2018).

Received: 28 July 2018